

АЛЕКСАНДРА БУРДУКОВА

СЕРЁЖКА

Александра Бурдукова

Серёжка

«Издательские решения»

Бурдукова А.

Серёжка / А. Бурдукова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-508546-7

Перед вами необыкновенная история про обыкновенного одиннадцатилетнего мальчишку, который остался без родителей. Про честность с собой и про чудеса, которые всегда рядом. Про любовь. Про силу и смелость. Про жизнь. И даже про то, как перевоспитать взрослых. В книге нет длинных описаний и скучных философствований, наоборот, лёгкие и короткие диалоги вовлекут вас в вихрь переживаний и событий, заставят вас удивляться, смеяться и плакать вместе с героями, проживая всю историю от начала до конца.

ISBN 978-5-00-508546-7

© Бурдукова А.
© Издательские решения

Серёжка

Александра Бурдукова

Иллюстратор Юлия Остроносенко

© Александра Бурдукова, 2019

© Юлия Остроносенко, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-8546-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СЕРЁЖКА

Друзья, перед вами необыкновенная история про обыкновенного одиннадцатилетнего мальчишку, который остался без родителей. История про честность с собой и про чудеса, которые всегда рядом. Про любовь. Про силу и смелость. Про жизнь. И даже про то, как перевоспитать взрослых.

В книге нет длинных описаний и скучных философствований, наоборот, лёгкие и короткие диалоги вовлекут вас в вихрь переживаний, эмоций и событий, заставят вас удивляться, смеяться и плакать вместе с героями, проживая всю историю от начала до конца.

Я хочу выразить огромную благодарность всем, кто так или иначе стал героем этой книги: кто-то словом, кто-то жестом, кто-то просто интонацией или привычкой быть важным. Спасибо за яркие и искренние образы и за смелость быть собой.

Я писала эту книгу по утрам. Каждое утро просыпалась в 05:45 и писала, не отвлекаясь, ровно 30 минут. В течение остального дня я не думала о героях, не придумывала сцены и диалоги, не выстраивала сюжетные линии. Я, как обычно, ходила на работу, забирала детей из школы, готовила еду, пила с мамой кофе, листала соцсети. А по утрам...

По утрам книга получалась будто сама собой, от меня требовалось проснуться, выпить стакан воды, сесть за стол и взять обычную шариковую ручку.

127 дней подряд. Без черновиков. Из самого сердца.

Слова благодарности я отправляю своей семье и особенно старшей дочери Маше Бурдуковой, которая разбиралась в моих утренних каракулях, аккуратно перекладывая их в электронные ровные строчки. Люблю!

Отдельная горячая благодарность Юле Остроносенко, которая в свои 12 лет без страха и сомнений согласилась стать настоящим иллюстратором книги и нарисовала героев так, как увидела сама. Спасибо!

Благодарю всех, кто уже прочитал эту книгу, вы для меня строгие цензоры и редакторы, внимательные корректоры и помощники, круглосуточные вдохновители и мотиваторы.

И я благодарю вас, дорогие читатели, и верю, что именно вы станете друзьями для моих героев. Устраивайтесь поудобнее, читайте с удовольствием и ждите продолжения!

***

Жила-была девочка, и звали её Берта. Была она маленькой, но в то же время взрослой. Берта любила ходить по улице и представлять, что возвращается с работы домой, а дома как будто её ждут двое детей – старший мальчик и младший мальчик.

– Итак, дорогой мой, получается, что ты весь день сидел перед телевизором? – Берта бормотала под нос, придумывая на ходу будущие диалоги со своими будущими детьми. Её

интонации и настроение менялись молниеносно, а темы прыгали с одной на другую так быстро, что если бы кто-то подслушал это бормотание, то мнение о Берте было бы так себе.

– Мам, я тебе мороженое принёс, ты будешь? – выдуманные дети разговаривали с Бертой её же собственным голосом, отвечали её же собственными словами и вызывали у неё бурю самых разных, но всегда настоящих и искренних эмоций.

– Конечно, буду, я с самого утра мечтаю. А оно шоколадное?

Берта ясно видела своё будущее с двумя сыновьями. Она очень хотела, чтобы у неё были защитники: не то чтобы её жизнь была полна опасностей, просто Берта никак не могла привыкнуть к тому, что рядом нет ни одной родной души. Она жила совсем одна. Хотя вокруг было много людей, взрослых и детей, с некоторыми из них Берта дружила, но всё равно ощущение одиночества её не покидало. Защитников у неё не было. Ни одного.

Её папа и мама не вернулись из похода в горы. Это было много лет назад, хотя какое там много, если Берте было всего девять, а в интернате она начинала свою третью зиму. Детская память старательно заменяла в мыслях плохое на хорошее, поэтому всё перепутывалось и перемешивалось во времени. С одной стороны, Берта очень хорошо помнила своих родителей, с другой – как будто специально старалась их забыть, чтобы отодвинуться от грусти.

Берта шла в тёмно-синем пальто с занятий по фортепиано домой. Нет, правильной сказать: в свой корпус, потому что называть домом интернат как-то нечестно.

Стоял конец сентября, во всём чувствовалось приближение дождливой осени, но воздух ещё сохранял запах солнечного лета, травы и тёплой земли. Листья: разноцветные, разномастные, разнополые даже – шуршали под ногами. Берта с ними разговаривала, она любила выискивать самые необычные, самые яркие и красивые, собирала их в букеты и относила Амалии Сергеевне.

– Замёрзли, бедненькие! – Берта присела на корточки, убрав за спину сумку с большими нотными тетрадами. – Бегите скорее ко мне, малыши-крепыши. Давайте я вас обогрею. Ну куда же вы, глупые? – листья с порывом ветра разбежались от Берты в разные стороны, и она вслед за ними вскочила и понеслась, такая же лёгкая и такая же рыжая.

***

Амалия Сергеевна – любимый воспитатель, классная дама в группе Берты. Если бы интернат был обычной школой, то Амалия Сергеевна была бы классным руководителем, но здесь было по-другому. Не классы, а группы. Не ученики, а воспитанники. Не учитель, а воспитатель, несмотря на то что формально дети были уже школьниками. Амалия Сергеевна работала в интернате с понедельника по пятницу, а на ночь и на выходные уходила к себе домой. Домой.

Берта любила Амалию Сергеевну, но в интернате было не принято выставлять чувства напоказ, поэтому больше, чем букеты из листьев, Берта позволить себе не могла. Амалия Сергеевна тоже любила Берту, но не полностью. Точнее, не максимально... Точнее, не единолично... Мысли Берты прыгали и путались, когда она думала об Амалии и о своих чувствах к ней.

В группе было восемнадцать ребят, и Амалия Сергеевна, наверное, любила каждого: кого-то больше, кого-то меньше, но... это всё не то. Каждому ребёнку хочется знать, что на свете есть хоть один человек, который любит его – ребёнка – так, как никого больше. Как мама и папа любили Берту. И как Берта, в этом нет никаких сомнений, будет любить своих сыновей.

***

Берта занималась рисованием и играла на фортепиано, спортивные секции были ей неинтересны. Точнее, Берта старалась держаться от них подальше. Её папа был тренером-инструктором, он водил группы альпинистов в горы. А мама в детстве занималась фигурным катанием, мечтала стать олимпийской чемпионкой. И у мамы бы обязательно получилось, если бы однажды она не упала и не сломала ногу. Да так это оказалось неудачно, что многие врачи вообще сомневались, что она сможет ходить, не то что заниматься спортом. Но это они плохо знали маму. Всё она смогла. Только чемпионкой, конечно, не стала... Родители были спортивные. Были...

Так что спортом Берта заниматься наотрез отказалась, а фортепиано и рисование казались ей очень подходящими занятиями для принцессы. Берта абсолютно верила в свою королевскую кровь, потому что мама с папой с самого раннего детства называли её маленькой принцессой.

***

Амалия Сергеевна была обычным учителем русского языка и литературы. Раньше была. Сейчас ей было сорок четыре года, и она уже десять лет работала классным воспитателем в интернате. У неё не было своих детей. По непонятным причинам или по судьбе, но все её детские мечты о пятерых ребятишках, которых она кормила, купала, целовала, водила в школу, остались несбывшимися. Её муж, с которым они поженились сразу после института, не выдержав постоянной грусти бездетной жены, ушёл, и Амалия – совсем ещё молодая женщина, – когда ей было тридцать три, осталась наедине со своей работой в школе.

Для неё было невыносимо жить одной, но при этом каждый день быть в окружении детей, и она решила усыновить ребёнка, но не малыша, а уже более-менее взрослого ребёнка из интерната. Или удочерить. Амалии было совершенно не важно, мальчик это будет или девочка.

Усыновление оказалось не таким простым начинанием: при рассмотрении документов в опеке ей сказали, что факт развода портит «репутацию» будущего родителя. И отсутствие мужа тоже. И небольшая зарплата тоже.

***

За время своих скитаний по инстанциям и комитетам Амалия познакомилась и даже почти сдружилась с директором интерната Вероникой Юрьевной. Две женщины были примерно одного возраста, и их истории были чем-то похожи: у Вероники Юрьевны также не было своих детей, она была добрым и порядочным педагогом, и она так же была помешана на своей работе, как и Амалия. Одно только – Вероника была замужем почти двадцать лет, муж в ней души не чаял и делал для неё абсолютно всё. Он ласково называл её Никусей, когда звонил на мобильный, а Вероника Юрьевна смешно морщила нос от стеснения, если вдруг оказывалась в это время в кабинете не одна.

Когда стало понятно, что статуса матери Амалии не видать, Вероника Юрьевна предложила ей работу в интернате. Интернат находился недалеко от дома Амалии, да и надбавки были хорошие, денег получалось почти в два раза больше, чем зарплата простой школьной учительницы. Единственное, за что переживала Амалия, так это сможет ли она работать в окружении детей без родителей, по сути, несчастных детей. Она и сама-то была несчастной. Дети без родителей, она без детей. Что она им сможет дать?

Они долго разговаривали об этом с Верой (Вероника Юрьевна больше любила, когда «свои люди» её называли Верой), и Амалия в конце концов согласилась.

– Здесь тяжело работать счастливым людям, у которых жизнь – полная чаша: дети, муж, собаки, – говорила Вера. – Если сердце твоё болит и близких у тебя немного, то здесь тебе будет хорошо. Знаешь, как в физике или химии: минус на минус даёт плюс? Вот так и здесь. Дети здесь не несчастные. Они хорошие. У них просто по-другому устроен мир.

– Не знаю; мне кажется, у детей, которые растут без родителей, мира в душе вообще нет, – Амалия переживала всем сердцем, она искренне не знала, каково это – быть воспитателем у сирот.

– Ну не скажи, Амалия Сергеевна, – в Вере проснулся ярый защитник своих подопечных, которых она, безусловно, любила. – Они в отличие от взрослых умеют жить настоящим. Даже когда в их жизни много горя, они его быстро забывают. Не навсегда, конечно, но как бы отодвигают его на второй план. Мы так не умеем.

– Я, по крайней мере, точно не умею, – согласилась Амалия и немного погрустнела.

– У них есть чему поучиться, – голос Веры, наоборот, звучал бодро и радостно. – И если к ним относиться как к обычным детям: ругать их за плохое поведение, хвалить их за успехи, разговаривать на взрослые темы, бегать и смеяться на прогулках, – то они начинают отдавать гораздо больше тепла, чем семейные дети, избалованные лаской и вниманием.

Амалия думала не долго. Когда она приходила к Вере, ей было хорошо и спокойно, и, взвесив все за и против, Амалия в ближайший сентябрь вышла в интернат классным воспитателем. Только это было сильно раньше того, как в интернате появилась Берта – рыжая девочка с голубыми глазами. Или зелёными. Они меняли цвет в зависимости от времени суток, от освещения и даже от настроения.

Между сентябрём Амалии и сентябрём Берты прошло семь лет. Тяжёлых и лёгких одновременно.

***

Амалия никогда не загадывала наперёд. Мечтала много, а загадывать и планировать она отучила себя после того, как поняла, что детей у неё не будет. Когда она осталась совсем одна, был период, что на ней не осталось даже лица: серое облако в чёрных одеждах с кругами под глазами и впалыми щеками. Но интернат быстро вывел её из этого состояния и вернул к жизни. В гардеробе Амалии снова появились голубые блузки и рубашки, светлые платья и плиссированные юбки, которые волшебным образом превращали её из «школьной училки» в нормальную женщину. Эта была интересная трансформация. Неожиданная и непредсказуемая даже. Амалия боялась «тяжёлой атмосферы» интерната, а на деле оказалось, что эта атмосфера для неё стала живительной.

Дети были разные. Истории разные. У них у всех было только одно общее – отсутствие родителей, а в остальном совершенно обычные дети. Все они, несмотря на внутреннее одиночество, были позитивными, благодарными, живыми и требующими к себе внимания и любви. Любой.

Никогда раньше Амалия не сталкивалась с таким разношёрстным клубком чувств. Ребята наполняли её энергией жизни, но и требовали, казалось, ещё больше. Чистые и честные детские эмоции творили чудеса, и Амалия с каждым днём как будто возвращалась к жизни. Голос её становился глубже и спокойнее, всё реже она вспоминала обиду на свою жизнь и на себя, а чувство вины за несостоявшуюся семью, которое раньше было её верным спутником, как будто растворялось в детском смехе. Как холодная горная река с сильным течением отличается от грязной заболоченной лесной речки, так и Амалия в интернате отличалась от прошлой Амалии в обычной школе. Здесь она быстро превратилась в сильную, красивую молодую женщину, которая больше не обманывала себя, а просто жила настоящим.

По жизни Ама была добрым, строгим, но справедливым, в том числе и к себе, человеком. Дети это всегда считывали мгновенно. И если городские школьники пытались манипулировать добротой и справедливостью, то здесь, в интернате, Амалию почти сразу превратили в «новогоднюю ёлку»: ребята на ней висли в прямом и переносном смысле и в любой непонятной ситуации бежали только к Амалии Сергеевне. Ей было сложно, что и говорить, но, наскучавшись по искреннему живому общению, она смогла стать для детей из своей группы №5 учителем и другом одновременно. Амалия всегда разговаривала с ними, как взрослый со взрослыми, она прекрасно понимала, что здесь, в интернате, где все чувства обострены, есть только один путь – быть честной с ребятами и с собой.

В интернате у Амалии сразу появилось несколько добрых прозвищ, хотя их и прозвищами-то называть язык не поворачивается, одно только «Амочка-мамочка» чего стоит.

– Амалия, прошу, береги себя, – Вера стала доброй подружкой Амалии, и они часто болтали по вечерам после рабочего дня, когда педсостав интерната расходился по домам. – Мне кажется, ты слишком близка с ребятами.

– И что в этом плохого?

– Да нет, в общем-то, ничего плохого, – Вера словно начала оправдываться, услышав решительность в вопросе Амалии. – Просто этим добрым вампирёньшам любви, внимания и личного общения всегда будет мало, и со временем они могут перестать воспринимать тебя как учителя.

– Как ты себе это представляешь? – искреннее удивление Амалии без дополнительных объяснений сообщало Вере о беспочвенности опасений. – Я столько лет мечтала о детской любви, о своей любви к детям, а тут, когда восемнадцать взрослеющих ребят так тепло и искренне меня приняли, я, по-твоему, должна включить строгую тётю?

– Амалия, ну не передёргивай, ты же знаешь, о чём я.

– Я не передёргиваю. У меня тоже было такое теоретическое желание, когда я сюда шла. Но я вижу их глаза каждый день, и я не могу себе позволить надевать маску! Я не имею права прятать от ребят своё лицо! Им и так нелегко, так зачем мне усугублять ситуацию и держать их на расстоянии вытянутой руки, когда я могу просто дать руку?

По щеке Веры текла слеза, и, несмотря на плотно сжатые губы, Вероника Юрьевна – директор со стажем – улыбалась. Каждое слово, сказанное Амалией, было правдой.

***

Амалия Сергеевна работала дольше других воспитателей, и когда все в 18:00 уходили домой, для её группы только начиналось самое интересное. Они вместе придумывали что-то новое: то резные аппликации, то плетение верёвочек и макраме, то гонки на машинках из стирательных резинок, то совместное сочинение сказок.

Продлёнка. Амалия так и называла вечерние занятия с ребятами. Эта продлёнка была в радость в первую очередь для неё, потому что больше всего на свете она не любила проводить вечера в одиночестве перед телевизором.

В группе №5 по вечерам жизнь кипела как никогда. Усталость? Нет, здесь про такое не слышали. Было ощущение, что Амалия вместе с ребятами открыла какую-то волшебную форточку, откуда сыпались самые интересные идеи. У Амалии на столе специально для этого стояла толстенная папка, где были собраны, казалось, все на свете весёлые игры и творческие безумства.

– Что сегодня, Амалия Сергеевна? – спрашивал дежурный по группе, готовый организовать ребят на любые подвиги. – Столы будем расставлять или на полу будем валяться?

– Называй номер страницы – и узнаешь, – смеялась Амалия, открывая свою волшебную вечернюю книгу.

Время до девяти пролетало быстро, и домой Амалия уходила, дождавшись, когда в группу придёт ночная нянька. Вот уж чего-чего, а укладывать детей спать воспитатель группы №5 Амалия Сергеевна никогда не оставалась. Как будто боялась чего-то.

***

Серёжка был чуть младше Берты.

– Будь моей сестрой, – сказал он Берте спустя два дня после того, как поступил в группу.

Берта не нашлась что ответить, учитывая, что за все два дня новый мальчик не издал ни звука. Он делал то же, что и все: ел, спал, гулял, ходил на занятия, но при этом не говорил ни слова.

– Будь моей сестрой, – настойчиво повторил он. В его голосе не было ни одной капли сомнения, стеснения, страха или ещё чего-то.

– Но у меня никогда не было брата, – удивлённо ответила Берта, – я не умею быть сестрой.

– У меня тоже никогда не было сестры, поэтому я тебя и прошу. Я Мяготин Сергей Викторович, мне семь лет, мне нужен надёжный человек, поэтому будь моей сестрой.

Берта смотрела на него и ровным счётом ничего не понимала. С одной стороны, она была удивлена, с другой стороны, она противилась такому неожиданному напору со стороны незнакомого мальчишки. И в это же самое время она поняла, что никто с ней так чётко ещё не разговаривал. Без воды и капризов, без длинных слов и уговоров. Он просто говорил то, что хочет, в этом не было сомнений. И она каким-то своим внутренним чутьём понимала, что нужно отвечать так же быстро и так же уверенно. Если она скажет нет, уговоров не будет.

- Ну, хорошо, давай попробуем. А почему ты выбрал меня?
- Нечего тут пробовать. Если договорились, значит, договорились. Договорились?
- Договорились. Почему я?
- Потому что ты рыжая, по науке это правильно.

Берта собралась было обидеться, потому что это дурацкое «потому что ты рыжая» прилетало ей при любой непонятной или странной ситуации. Но в этот раз обижаться не захотелось, как будто впервые в жизни за этой фразой стояло что-то большее, чем просто присказка.

– Ты – рыжая, – продолжал Серёжка, – а мы с мамой читали статью, где было написано, что рыжие люди, хоть и считаются самыми неуравновешенными и эмоциональными, зато они генетически не умеют врать.

- Я умею врать, – попробовала сопротивляться Берта.
- Это ерунда. Это не врать. Сказать глупость или ещё там чего – это не врать.
- А что врать?

– Сказать, что приедешь, и никогда не приехать, – сказал Серёжка так же уверенно, но глаза его стали как будто прозрачными; Берта даже подумала, что он может заплакать, но он не заплакал. – Я два дня внимательно смотрел на всех и на тебя, ты самая честная и самая добрая, ты мне нравишься, поэтому я решил, что ты будешь мне хорошей сестрой.

– А вдруг я не хочу? – выпалила Берта и удивилась, что Серёжка только что вроде дал слабину, чуть не заревел, а голос вообще не дрогнул, и вообще... не заревел.

- Ну если бы не хотела, ты бы не согласилась?
- Сейчас согласилась, потом рассоглашусь!

– Не рассоглашишься. Мы, может быть, с тобой будем спорить и ругаться, это нормально, не бойся. Но если мы как брат и сестра, то всё равно будем мириться и защищать друг друга.

- Я должна буду защищать тебя? Я же девочка!

– Ну, по-своему, по-девчачьи, когда силой ничего не решишь. Мне будет сложнее, ты вон какая красивая, но я справлюсь.

- Сколько тебе лет?

– Я уже говорил. Мне семь лет. Я Мяготин Сергей Викторович, если ты не запомнила, – интонация была у него совсем не детская, но раздражения в голосе не было. Казалось, он готов это повторять снова и снова, как какую-то собственную мантру.

– Как тебя не запомнить? – ответила Берта с девичьим кокетством и очень по-доброму. Как будто хотела сказать в конце: «Горе ты моё луковое», но почему-то не сказала.

В этот момент им обоим стало легче.

Ничего вроде не произошло, но Берте, как бы она внутренне ни сопротивлялась, Серёжка понравился. Так коротко и ясно говорить о том, что хочешь? Это редко бывает. Обычно начинают канючить и ходить вокруг да около, а тут: «Будь моей сестрой, я два дня всех оценивал, ты подходишь». Берта так не умела.

***

Серёжка попал в интернат на полтора года позже Берты. Он тогда всем показался странным: первые два дня вообще молчал, а потом резко начал со всеми общаться так, как будто он здесь жил уже много лет, как будто для него всё было привычным и знакомым: предметы, помещения, дети, воспитатели.

Это он первым придумал ласковое прозвище для Амалии – Амочка-мамочка. И вроде бы ей надо было его приструнить, но со стороны Серёжки это было так искренне и с таким уважением и любовью, что скоро вся группа стала так называть Амалию Сергеевну. Да и ей было приятно, она своих детей любила очень.

Примерно раз в год из группы №5 кого-то из ребят забирали в приёмную семью. Обычно усыновители интересовались и вставали в очередь на детей помладше, а группа Амалии уже давно пересекла барьер востребованности, поэтому ситуации с «проводами» случались всё реже и реже.

Больше всего она боялась, что когда-нибудь заберут Серёжку и Берту. Внешне Амалия никогда не показывала своей особой привязанности к этой парочке, но внутри у неё всё сжималось, когда очередные приёмные родители заходили в их группу выбирать ребёнка. Серёжка это чувствовал. Между ними троими была какая-то незримая связь, и Серёжка, как настоящий мужчина, сразу как будто взял на себя ответственность за Берту и Амалию.

– Вы не переживайте, Амалия Сергеевна, никуда я отсюда не уеду, – с бравадой говорил Серёжка каждый раз, когда видел настороженную Амалию после встречи с потенциальными усыновителями.

– Ну а вдруг найдётся очень хорошая семья, которой нужен будет для полного счастья только мальчик Серёжка с настоящим мужским характером? – отшучивалась она.

– Мне для полного счастья КАКАЯ-ТО семья не нужна. Я бы согласился жить только с Бертой да с вами. Почему вы не хотите усыновить нас двоих?

– Серёжа, давай не будем об этом. Как ты себе представляешь, что я усыновила только вас двоих, а другие ребята?

– Я за других говорить не могу. Я всегда говорю только за себя. Ну и за Берту тоже. Она мне сестра.

На все попытки уговорить Серёжку и Берту не называть друг друга братом и сестрой Серёжка отвечал угрюмо, но как всегда чётко: «Я буду защищать её всегда, хоть я и младше. Она моя сестра, и разговор окончен». Они и вправду были друг за друга горой. Многие даже забыли, что они попали в интернат в разное время, из разных городов, из разных семей.

Берта боялась, что её могут забрать. И если Серёжка всем говорил, что он никогда отсюда не уедет, то Берта понимала: если это случится, отвертеться будет невозможно – спрашивать их желания никто не будет. Они даже тайно договорились с Серёжкой, что при собеседовании с усыновителями будут говорить, что они брат с сестрой и что они поодиночке никуда не поедут, а если поедут, то устроят весёлую жизнь, мало не покажется.

***

Когда в группе появился Серёжка, стало радостнее, что ли. Он всегда чётко раскладывал всё по полочкам, называл вещи своими именами и не стеснялся говорить о своих эмоциях и чувствах. Он был почти самым младшим в группе (если разница в несколько месяцев в таком возрасте имеет значение), но по факту к нему прислушивались как к самому старшему.

Он никогда не рассказывал, как и почему попал в интернат. Даже Берта, которая на третий день его пребывания в интернате стала его названной сестрой, не знала, есть ли у Серёжки кто-то родной.

Знала Вероника Юрьевна, так как в документах всегда написана история ребёнка. И знала Амалия, потому что при поступлении в интернат нового воспитанника с каждым педагогом проводят установочную беседу, где с психологом разбирают, как правильно вести себя с ребёнком в его жизненной ситуации.

А ситуаций было так много, что в начале своей работы здесь, в интернате, Амалия иногда просто не могла заснуть от мыслей о несправедливости жизни. Как иначе объяснить, что дети оставались без родителей? Но со временем она то ли привыкла, то ли в ней самой укоренилась позиция жить настоящим, и она стала проще принимать чужую боль, в ответ безвозмездно отдавая любовь.

Амалия поняла, что если просто любить детей, не вспоминая о прошлом, быстрее затягиваются раны, мысли становятся легче и со временем мечты начинают возвращаться в детские жизни. И как она считала – до этого она додумалась сама, – если вернуть человеку веру в чудо и веру в мечту, то все испытания становятся не такими уж и сложными.

По вечерам в группе Амалии на продлёнке дети рисовали мечты карандашами, красками, фломастерами, иногда делали аппликации. И когда на следующий день ребята уходили на уроки или на дополнительные занятия, Амалия любила сидеть в тишине и рассматривать их работы, где почти всегда были родители. Живые, здоровые, радостные.

Никто не мог знать, кого именно рисовали дети: родителей из прошлого, которых они потеряли, или из будущего, которых они ещё не нашли. Многие не помнили своих настоящих или вовсе не знали, а некоторые, как Серёжка и Берта, наоборот, помнили хорошо, поэтому рисовали родителей редко. В их рисунках чаще были игрушки, дом, какие-то яркие сказочные места.

Амалия хорошо помнит, когда Берта в первый раз нарисовала маму и папу. Долго рисовала, как будто сама себе всё никак не могла разрешить, а потом решилась, и получилось хорошо. Мама с папой стояли рядом, мама, как обычно, маленькая и тоненькая, а папа большой и сильный. Берта стояла рядом и держала за поводок собаку, она всегда мечтала о собаке. Радостная морда то ли спаниеля, то ли лабрадора, хоть и нарисованная по-детски, смотрела с альбомного листа добрыми чёрными глазами. Казалось, ещё чуть-чуть, и этот карандашный пёс начнёт махать хвостом, сообщая всему миру о своём большом собачьем счастье.

Берта каким-то волшебным образом умела оживлять и наделять эмоциями нарисованные фигурки. Амалия без труда могла разглядеть, как мама любит папу, а папа заботится о маме и как спокойна маленькая принцесса Берта, когда рядом семья. Рисунок получился ярким и совсем без грусти, Амалия долго смотрела на него с улыбкой, хотя слёзы были рядом. С того момента что-то изменилось в ней. В Амалии. Хотя в Берте тоже.

***

И Берта, и Амалия с первого дня знакомства чувствовали какую-то незримую связь, как будто они до этого знали друг друга много лет и здесь, в интернате, наконец-то встретились. Своей привязанности они особо не показывали – Амалия из педагогических соображений, а Берта больше из стеснения и правильного воспитания. А когда пришёл Серёжка со своей прямоотой и какой-то неприкрытой честностью, отношения между Бертой и Амалией сами собой стали другими, теплее и нежнее, что ли.

Серёжку полюбили все. Он никогда никому не врал и ничего не скрывал. Амалия так не могла, поэтому сразу зауважала этого мальчишку, у которого правая сторона головы была кудрявее левой. Ну или так казалось. Было в этом что-то особо милое, рука так и тянулась пригладить этот вихор. Может быть, поэтому Серёжка любил, когда его гладили по голове. Как кошка, от прикосновения он наклонял голову, словно пытаясь подстроиться под движение руки, и это было как-то инстинктивно, по привычке как будто. Как магниты, которые подносят друг к другу, и они сначала немного подёргиваются из стороны в сторону, словно ищут самое удобное положение, и только потом накрепко склеиваются. Так и тут.

Амалия любила Берту с Серёжкой, но профессиональная этика диктовала ей необходимость относиться ко всем детям одинаково. Зато её сердцу не было никакого дела до профессиональной этики и правил, оно просто знало, где ему теплее и радостнее.

Амалия скучала по Берте с Серёжкой, когда уходила домой на ночь, и радовалась встрече каждое утро, как будто они не виделись долго-долго. Она, по сути, приходила больше к ним, чем просто на работу в интернат.

***

День был пасмурный. Такое межсезонье, когда, глядя за окно, совершенно нельзя понять, весна там или осень: листьев на деревьях не было, снега не было, солнца не было. И настроения как будто тоже не было.

- Я никуда не поеду, – тихо и чётко, глядя исподлобья, сказал Серёжка.
- Серёжа, они приехали к тебе, – старалась сохранить спокойствие Амалия.
- Они приехали не ко мне, а за мной, – почти вскрикнул он.
- В семье всегда лучше, Серёжа!
- Откуда вы знаете? Вы же никогда не были без семьи!

Лицо Амалии стало серым, на мгновение она прикрыла глаза, чтобы справиться с нелепой стремительной обидой. Серёжка поймал это движение глазами и поспешил сказать другим тоном:

– Ладно, извините, – видно было, что он не хотел извиняться, но пришлось. – Вы никогда не были в чужой семье. Моя семья здесь. У меня здесь Берта!

– Берта никуда не денется, – голос Амалии никак не выдавал её внутреннего смятения, – возможно, вы сможете видеться. Уж писать друг другу письма вам точно никто не запретит.

Берта сидела в спальне, зажав уши руками и утопив голову в колени. Ей было страшно. Она не хотела верить, что могут вот так – раз, и забрать Серёжку. А потом – раз, и её. И жить где-то с чужими людьми, которые всё равно никогда не заменят мамы и папы и ни капельки не будут на них похожи.

– Я никуда не поеду, – почти кричал Серёжка. – Я останусь здесь, с тобой и Бертой!

Он впервые назвал Амалию на ты, и она, услышав эту отчаянную искренность, не сдержалась и крепко его обняла. Она стискивала зубы, чтобы не разреветься, как девчонка, чтобы не показать, как ей тоже страшно. Она не представляла, как она будет приходить на работу, а Серёжкино место будет пустым. Или того хуже – на его кровати будет спать кто-то другой.

– Я убегу, Амочка, я буду плохо себя вести, чтобы они привезли меня обратно, чтобы отказались от меня.

– Тебя ещё не забрали, а ты уже убегаешь. Серёжа, успокойся, всё будет хорошо. Вот увидишь. Всё будет лучше, чем сейчас.

Берта заплакала. Никто этого не видел, потому что она сидела между своей кроватью и окном. Это было её потаённое место, потому что если там спрятаться, то совсем не видно. Точнее, видно, если специально обойти всю спальню и встать напротив соседней кровати. Берта любила здесь сидеть. Особенно по вечерам, потому что окно выходило на задний двор интерната, где не было фонарей. И если в комнате не включать свет, было хорошо видно звёзды. «Самые красивые звёзды в горах». Берта смотрела на звёзды и вспоминала маму. Мама всегда так говорила, когда на небе были звёзды. Ну и всё-таки Берта верила, что люди не умирают навсегда. Ей иногда казалось, что мама её слышит. Или ей просто очень этого хотелось.

***

В первый месяц было очень тяжело. После того как уехал Серёжка, Амалия как будто постарела лет на десять. У неё и было-то полтора часа вечером да час утром, пока она была дома сама с собой, а остальное время нужно было выглядеть как обычно хорошо. Раньше, когда кто-то из ребят уезжал в семью, она переживала, конечно, но всегда радовалась. Они всей группой устраивали праздник-проводы и обязательно вручали выбывающему из интерната ребёнку памятный блокнот в толстой обложке, где от руки каждый писал пожелания на будущую счастливую жизнь. Серёжкин блокнот получился грустным, а праздник тогда вовсе не получился. Амалии казалось, что физическое ощущение потери заполнило всё её пространство и ни на капельку не уменьшилось за четыре недели.

Берта тоже не находила себе места. Точнее, наоборот. Она почти всё время сидела у себя под окном и не участвовала в вечерних занятиях. Амалия, если говорить откровенно, даже радовалась этому, потому что каждый раз, когда она видела грустные глаза Берты, слёзы так и поднимались к горлу. Вообще, в последний месяц слёзы всегда были близко-близко, Амалия впадала от этого в ещё большую депрессию и, казалось, ничего не могла с собой сделать.

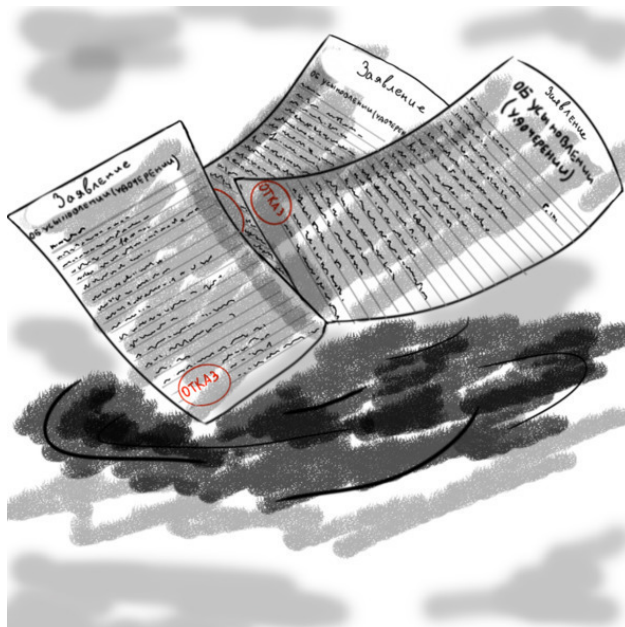
Дни тянулись медленно. Вечера и вовсе были бесконечными, тяжёлыми и неповоротливыми. Понимая, что так не может дальше продолжаться, Амалия решила поднять вопрос о возможности удочерения Берты. Она вдруг осознала, что если отпустит ещё и Берту, то жизнь совсем потеряет всякий смысл. И как только мысль о том, как они с Бертой будут жить вдвоём, поселилась в голове Амалии, жизнь как будто развернулась на сто восемьдесят градусов. У Амалии появилась цель.

***

Берте было одиннадцать, Амалии – почти сорок шесть. Заполняя бесконечные, необходимые для рассмотрения ходатайства об усыновлении, бумаги, она больше всего удивлялась, почему родить ребёнка без мужа можно, а усыновить нельзя. Она специально освободила себе четверг, чтобы ходить по инстанциям и скучным учреждениям, где её спрашивали почти об одном и том же и почти всегда отказывали. Каждый новый четверг Амалия всё острее чувствовала, что никому нет никакого дела ни до неё, ни до судьбы девочки. Все просто ставили отметки в бумагах. Ничего не менялось. Решение было отрицательным.

– Вот если бы вы были родственниками, тогда да, а так... – работники опеки смотрели на неё добрыми глазами из-под очков и продолжали штамповать бумажки с чужими судьбами. – Никаких шансов в вашем текущем положении.

Мужа и других родственников у Амалии не было, доход – на нижней отметке допустимого уровня, квартира – однокомнатная, и казалось, что вырваться из этого круга было невозможно.

Как-то вечером они сидели с Вероникой у Амалии дома. Был очередной ужасный четверг, потому что в то время четверг, сам того не подозревая, стал самым нелюбимым днём Амалии, днём, который её выматывал больше всех остальных дней, вместе взятых.

– Амалия, а как ты бы отнеслась, если бы тебе разрешили забирать Берту на выходные? – осторожно начала Вера, наблюдая за безрезультатными скитаниями Амалии.

Амалия подняла голову, было совершенно непонятно, надежда или гнев появились в её глазах.

– Сейчас подписали новую программу, – продолжила Вера медленно и вдумчиво, – я слышала, что уже начали её внедрять в больших городах. У неё длинное название, как любят наши чиновники, но суть простая.

Амалия не говорила ни слова, она просто смотрела на Веру, не моргая.

– Практически любой «положительный» взрослый человек при прохождении первичного комиссионного контроля сможет заключить договор с интернатом и забирать ребёнка на выходные. Может быть, это выход?

Амалия вспыхнула:

– Вера! Не говори ерунды! Это ещё страшнее! Я сейчас на это соглашусь, а потом через полгода придут какие-нибудь добрые люди и заберут мою Берту.

Амалия не привыкла жить полумерами. В идеале Берта должна была стать её родной девочкой навсегда, а не на выходные, но реальная жизнь, похоже, была далека от идеала. Уже ближе к утру, ворочаясь с одного бока на другой, Амалия более-менее здраво взвесила мысль о договоре выходного дня и приняла эту возможность как единственную и настоящую. Продержаться в таком «воскресном» режиме нужно было всего пять лет до выпуска Берты. И вообще, чем старше дети, тем реже находятся смельчаки, которые готовы усыновить почти взрослого человека.

***

– Берта, я хочу с тобой поговорить, – Амалия подошла к Берте ближе к вечеру, когда у детей было свободное время в игровой, а Амалия и вовсе уже должна была уйти домой.

– Что-то случилось с Серёжкой, Амалия Сергеевна? – с беспокойством спросила Берта, заглядывая в глаза Амалии, словно заранее пытаясь найти правдивый ответ о самом главном.

– Нет, девочка, всё хорошо.

Амалия часто называла её девочкой. Это было так мило. Берта представляла при этом, что вместо «девочка» Амалия говорит «девочка моя». По крайней мере, интонация была очень похожа на ту, с которой её давным-давно «моей рыжухой» называла мама. Казалось, что уже сто лет Берта живёт без мамы, а на самом деле прошло-то всего ничего.

Они прошли по длинному коридору до учительской, где после шести часов вечера уже никого не было, и сели на диванчик. Видно было, что Амалия очень переживает, и Берта, не понимая, что происходит, тоже немного нервничала.

– Берта, я не знаю, с чего начать и как вообще об этом говорить, поэтому буду говорить правду. Ты ведь меня поймёшь?

– Вы хотите уволиться?

– Нет, погоди.

– Меня хотят удочерить? – Берта вскочила с дивана и встала перед Амалией, не оставляя ей шанса скрыть правду.

– Берта, подожди, всё хорошо. Сядь, – Амалия взяла Берту за руку, но та осталась стоять перед ней, натянутая как струна. – Берта, я хочу, чтобы на выходные мы с тобой вдвоём уходили ко мне домой. Каждые выходные, на два дня. Я хочу стать твоей патронажной матерью.

– А что, так можно? – аккуратно спросила Берта.

Амалия замерла. По интонации она не поняла, обрадовалась Берта или нет.

– Да, сейчас можно. Ты согласна или нет?

И не успела она договорить, как Берта впервые в жизни запрыгнула на колени к Амалии и обняла крепко-крепко.

– Конечно, согласна, Амалия Сергеевна, конечно, согласна! – она не торопилась разжимать рук, и Амалия тоже, схватив Берту в охапку, вдыхала запах её рыжих волос.

Они сидели в обнимку, казалось, целую вечность, хотя прошло всего несколько секунд.

– А сегодня пятница? – радостно протараторила Берта, выпучив глаза. Она вся светилась от счастья.

– Нет, сегодня вторник, – улыбнулась Амалия, хотя только что готова была разреветься.

– А вы уже в эту пятницу меня заберёте?

– Да, документы готовы. Мне осталось только подписать, – Амалии казалось, что стук её сердца слышен на весь коридор, такого волнения и радости она не испытывала ещё ни разу в жизни. – Я не могла, не имела права подписать, не поговорив с тобой.

– Вы и вправду думали, что я могла отказаться? – Берта сделала удивлённые глаза, но боженятки радости, прыгающие в её взгляде, так и кричали: «Ура! Ура!»

– Ну, я верила, что ты согласишься. Ты же уже взрослая девочка, я должна была спросить тебя. Твоё мнение важно, ведь это касается и меня, и тебя, ну и вообще всей нашей дальнейшей жизни.

– Я согласна, Амалия Сергеевна, – Берта села рядом и прижалась к руке Амалии. – А как же мне теперь вас называть?

– Я не думала об этом, – искренне ответила Амалия, потому что над этим она действительно ни разу не задумалась. – Время покажет. В интернате называй меня, как всегда, Амалия Сергеевна, а дома... Вот домой придёшь и придумаешь. Надо купить тебе ночнушку, чтобы до пятницы успеть постирать.

– А можно пижаму? – робко спросила Берта. – У меня дома всегда были пижамы.

– Пижаму так пижаму, – ответила Амалия, и слёзы покатались из её глаз сами собой, как будто поняли, что можно расслабиться.

Берта уткнулась в рукав Амалии и тоже всхлипнула.

– Ой, ну сейчас диван намокнет от наших с тобой слёз, – сказала Амалия, почему-то решив не скрывать своих эмоций.

Берта удивлённо подняла глаза. Она вообще не знала, что взрослые могут плакать. Увидев лицо Амалии, она, не раздумывая, начала вытирать её щеки, потом свои, потом снова её. Они обнялись опять и договорились никому сейчас об этом не говорить.

Обе эти девочки – одна взрослая, а вторая ещё маленькая, но тоже уже такая взрослая, – радостные и счастливые, возвращались в группу. Они обе понимали, что начинается новая жизнь. Какой она будет, девочки знать не могли, но они искренне верили в самое лучшее и, как заядлые заговорщики, крепко держась за руки, шли по длинному интернатовскому коридору.

Почти перед самой дверью Берта остановилась, крепче сжала ладонь Амалии, посмотрела на неё и тихо сказала:

– Спасибо! – потом через небольшую паузу добавила: – Я честно-честно никому не скажу.

***

В четверг в доме Амалии появилась модная раскладушка, а в пятницу вечером из интерната Амалия вышла не одна.

Берта сначала очень робко, но потом с каждым разом всё смелее и смелее заходила в её квартиру, которая могла со временем стать и её домом. Берта была смышлённой девочкой, она понимала, что «воскресная семья» может закончиться в любой момент, но всё равно мечтала.

Мечтала жить в радости и не бояться, что завтра её тоже, как Серёжку, возьмут и увезут в совершенно незнакомый город, в незнакомую семью, в незнакомую жизнь. Она так привязалась к Амалии, и в то же время она так боялась показывать эти чувства при всех, что по вечерам часто плакала, а на вопросы отвечала, что просто скучает по Серёжке.

Каждые выходные, конечно, были сказочными. Амалия с Бертой ходили в кино, по магазинам, просто гуляли вдвоём и много разговаривали. Если быть честным, то до этого они никогда и не разговаривали. Разве это разговоры? Так, формальные фразы между воспитателем и воспитанником. А сейчас они говорили и не могли наговориться. Время пролетало быстро, они его просто не замечали, и каждый раз, каждое воскресенье они всё больше становились по-настоящему родными друг для друга.

У Амалии была кошка Липка. Липочка. Обычная беспородная полосатая буро-зелёная кошка со странным характером. «Зелёная» – это, конечно, образно, обычная беспородная кошка болотного оттенка. Своенравная. Она подходила к Амалии и разрешала себя гладить ровно столько, сколько ей было нужно. Любая инициатива со стороны хозяйки была неприем-

лема, когти появлялись почти сразу. Липка не терпела чужих людей и особенно детей. Она их почти и не видела за всю жизнь, поэтому каждый раз при появлении ребёнка старалась держаться подальше. Чаще за диваном.

Но Берту Липка приняла сразу. Большой любви, конечно, не случилось, ведь большая любовь и Липка – понятия несовместимые. Но в первую же ночь, когда Берта осталась ночевать у Амалии, кошка по-хозяйски запрыгнула на раскладушку, беспардонно прошагала по девочке, села у неё на груди, внимательно посмотрела в глаза, понюхала, развернулась хвостом к лицу, потопталась, а потом спустилась через плечо и легла рядом.

Берта никогда особо не любила кошек, точнее, она относилась к ним спокойно, поэтому без лишней радости и уж тем более без вторжения на личную территорию Липки приняла эту кошачью благосклонность.

– Амалия Сергеевна, а вдруг меня заберут? Ведь это не навсегда – то, что мы ходим к вам в гости на выходные.

– Я не знаю, – честно ответила Амалия, потому что тоже думала об этом. – Я не могу тебя удочерить, так как у меня нет мужа и, к сожалению, не очень много денег. Но я верю, что всё будет хорошо. По крайней мере, в твоей карте есть отметка: «Закреплена. Семья выходного дня».

– А Серёжка вам не писал? – Берта подняла глаза, в которых читались беспокойство и надежда.

– Нет, ни разу.

– Странно, не похоже на него. Он обещал.

***

А Серёжка писал. Много и часто. Только его письма не доходили ни до Берты, ни до Амалии. Его новая семья жила в соседнем городе, был он побольше и побогаче. Областной центр как-никак.

Называть Ирину Михайловну мамой, как она требовала, а Бориса Григорьевича папой Серёжка не мог и со всей своей честностью и прямоотой так и говорил об этом, чем каждый раз вызывал странную реакцию обоих приёмных родителей.

– Мы теперь твои родители, и для всех ты – наш сын. Если ты на людях начнёшь называть нас по имени и отчеству, это будет плохо. Нас тут многие знают, и, я уверена, все радуются нашему наконец-то свершившемуся счастью. Мы теперь твои родители, – как заученный стишок, тарабанила Ирина Михайловна, и было понятно, что сама она не очень-то верит, что Серёжка их сын и что какие-то люди радуются за их свершившееся родительство.

– Мои мама и папа... Мои родители – это те, кто меня родил, а вы – мои приёмные родители, Ирина Михайловна и Борис Григорьевич, и я буду называть вас по имени-отчеству.

– Сергей, мы вытащили тебя из этого интерната, чтобы дать тебе новую жизнь, чтобы наша семья была полноценной. А ты?

Серёжка терпеть не мог, когда его называли Сергеем. Сергей Викторович – ещё куда ни шло, а так... У него на спине даже волосы дыбом вставали, когда она слышал: «Сергей!»

– Мне было хорошо в интернате! У меня там сестра и Амалия Сергеевна!

– У тебя нет сестры! Хватит выдумывать! – почти закричала Ирина Михайловна. Она бесилась всякий раз, когда слышала про Берту и Амалию.

– У вас нет сына! Хватит выдумывать! – точно скопировав её интонацию, вернул ей Серёжка.

Ирина Михайловна вышла из комнаты, хлопнув дверью.

– Вы в интернате все такие жестокие? – с тщательно скрываемым раздражением спросил Борис Григорьевич и вышел вслед за женой.

– А я и не в интернате, – пробурчал под нос Серёжка и чуть не дал слабинку слезам, но сдержался.

***

– Он живёт у нас почти год, а всё никак не наладится, – с раздражением и злостью, нервно закуривая, процедила сквозь зубы Ирина Михайловна.

– Не садилась бы ты на софу с сигаретой, – просто чтобы что-то сказать, выдавил из себя Борис Григорьевич, – прожжёшь.

– Го-о-осподи, скряга! – вскочила с дивана Ирина Михайловна, оставив за собой облако табачного дыма.

– Вся эта затея с усыновлением мне не нравилась с самого начала, – продолжал нудить Борис Григорьевич. – Я тебе говорил, что это головная боль сплошная, а ты?

– Го-о-осподи, – метнулась в другую сторону Ирина Михайловна, – теперь-то что? Что ты опять завёл одно да потому?

Дом был богатым и ухоженным, сразу было видно, что у хозяйки есть деньги и много свободного времени. Идеальная чистота, дорогая мебель, подсветка картин в прихожей, куча блестящей техники на кухне, огромный телевизор с отдельно стоящими колонками, портьеры с выверенными складками и коваными подхватами и какой-то музейный дух: когда смотреть можно, а садиться нельзя. Ирина Михайловна последние лет двенадцать нигде не работала. Она занималась исключительно собой, домом и семьёй, а если учесть, что её семья – это Борик (так она называла Бориса Григорьевича в моменты особенной нежности) да Гера, то и занятий было немного.

Гера – маленькая собачка, которая спокойно помещалась на руке. Модный терьерчик с чёлкой, собранной в аккуратный маленький хвостик на лбу, обладал не менее стержовым характером, чем его хозяйка, и мог огрызаться по поводу и без. Гера – сокращённое от «Герман», он кобель, но как-то так сложилось, что «Гера» прижилось лучше. Собака задумывалась изначально как игрушка-антистресс, хозяйка постоянно «мяла» питомца в руках, но, судя по всему, её это мало успокаивало.

Стресс у Ирины Михайловны по жизни был только один. У неё не было детей. За почти двадцать лет семейной жизни она ни разу не смогла забеременеть. Многочисленные дорогостоящие попытки ЭКО не приносили никаких результатов и только увеличивали общий уровень нервозности в доме.

Борис Григорьевич был человеком совсем не истеричным. Он, как ни крути, любил свою жену. Он прекрасно помнил её молодой девчонкой с осиной талией и длиннющими ногами, с пучком светлых волос и большими глазами. Она тогда часто, да что там, почти всегда называла его Бориком, а он её – Иришей или Ирушкой. Тогда не было должностей, дорогих машин, богатого дома, и проблем тогда тоже не было. Да и сейчас у него – взрослого Бориса Григорьевича – было всё в порядке, из проблем только рабочие вопросы, которые приходилось решать круглосуточно. Работал он много, и ему, по сути, было не до ребёнка.

А вот Ирина Михайловна очень переживала. Она много и дорого лечилась. Лечилась сама и пыталась вылечить мужа, хотя по результатам всех обследований оба они были совершенно здоровы для своего возраста. Ирина покупала самые дорогие витамины, добавки, чаи, принимала лечебные ванны и массажи – другими словами, использовала все способы, которые давали ей хотя бы маленькую надежду на материнство. Она верила звёздам, нумерологии, астрологическим прогнозам и картам Таро. Она ходила к разным бабкам и экстрасенсам в поисках ответа на один-единственный вопрос: будет ли у неё ребёнок.

Шаманы почти единогласно её успокаивали и говорили, что ребёнок в её жизни есть, а вот с датой... При поиске даты на них нисходил плотный эзотерический туман. Один провидец

долго и подробно описывал мальчишку, чем неопишимо радовал Ирину, но сказал при этом, что вообще не видит, где и когда он родился. Другой говорил, что ребёнок уже есть и она сама от него отказалась. Третий вообще утверждал, что она уже очень давно беременна.

Тамара (бабка-повитуха, о которой ходили легенды, к ней Ирина стояла «в очереди» несколько лет) долго сидела с её рукой и картами, жгла свечи и по чуть-чуть отрезала волосы Ирины. Это было осенью. Дождь шёл почти неделю и промочил, казалось, весь город насквозь. Ирина сидела за круглым столом как раз напротив окна. Размытые контуры домов знакомой улицы – единственное, что напоминало о нормальной жизни.

В квартире Тамары всё было странным. Наверное, так и должно было быть, ведь её называли ведьмой, и антураж был соответствующий. Ни одного зеркала, много свеч, тёмные обои и шторы. Замасленная скатерть со следами парафина, прожжённая в нескольких местах, выглядела одновременно торжественно и зловеще. В квартире висел запах то ли лекарств, то ли трав, воздух был тяжёлым, какой бывает, если окна в квартире не открывать неделю или больше. Старый толстый неповоротливый кот сидел на комодке и не отрываясь смотрел на Ирину абсолютно круглыми глазами. Он был больше похож на сову, чем на кота, отчего общая атмосфера становилась ещё более угрожающей.

Тамара колдовала долго. Молча, тяжело и прерывисто дыша, она то раскладывала карты, то скидывала отрезанные волосы в металлическую чашу, то закрывала глаза и как будто смотрела сквозь веки куда-то вверх. После всех этих магических манипуляций, спустя полчаса как Ирина вошла к ней в дом, бабка начала говорить:

– Не надо тебе рожать. Не надо тебе детей. Тебе одной надо быть. Будет мальчик. Светлый. Волосы тёмные. Тяжело ему будет, но он выживет, а ты нет. Не надо тебе детей, – и резко задула свечу.

После этого Ирину Михайловну как подменили. Она перестала хотеть родить ребенка, но решила немного обмануть судьбу и всё-таки занять малыша. Усыновление ей казалось идеальным вариантом. Никакого вреда для фигуры и здоровья, никаких бессонных ночей с младенцем, никаких хлопот с какашками и врачами. Взять ребёнка постарше, со всеми прививками. Красота! Про прививки у неё был отдельный пункт. У Геры стояли прививки от всех болезней, даже от тех, которыми собаки не болеют вовсе.

И началась новая история. Ирина Михайловна начала думать, где, когда и какого ребёнка надо усыновить, чтобы было проще и правильней. На это ушёл почти год. Документы, анализы, проверки, собеседования. Брать ребёнка решили в соседнем городе, потому что текущий статус Бориса Григорьевича, его связи и положение в городе не позволяли им «засветиться» раньше времени.

Борис не очень понимал и не очень поддерживал идею жены и, если честно, надеялся, что она переберётся. Он много работал, ему было больно видеть страдания жены, поэтому он на многое закрывал глаза.

– Ирочка, я согласен. Согласен однозначно для тебя, но тебе придётся почти всё делать самой, у меня очень много работы, – говорил он.

Эту фразу он говорил практически по любому поводу. И Ирина послушно делала всё сама. Всегда.

– Я это знаю, – Ирина стала много курить, Борису не нравилось это, но повлиять на привычки жены он не мог, – мне тоже это нужно для себя. Знал бы ты, как тяжело быть всё время одной, поговорить абсолютно не с кем.

– А как же Гера? Ты же его для этого заводила, – по-доброму издевательски ввернул Борис.

– Ой, не начинай. Гера – это просто собака.

– Ну, хорошо, но тебя же никогда не бывает дома, ты постоянно то в салоне, то на шопинге, то ещё где-то.

– Я разберусь с этим, не беспокойся, – Ирина сидела в своём любимом кресле, закинув ногу на ногу. Она была похожа на антилопу, тонкую и красивую, но очень уставшую от марафонского забега по богатой жизни.

***

В первый раз Ирина Михайловна приехала к Веронике Юрьевне в середине весны. Ей в местной опеке посоветовали именно этот интернат: по их мнению, Вероника Юрьевна была одним из самых чистоплотных директоров, и дети у неё все как на подбор были не сложные.

Две женщины проговорили больше часа. Ирина после этого первого разговора вышла воодушевлённой, а Вера – немного подавленной. Первая утвердилась в намерении и удостоверилась, что персонал и дети «чистые». А вторая, обладая большим опытом общения с приёмными родителями, сразу почувствовала неладное. Вероника Юрьевна поняла с первых слов, что этой особе ребёнок нужен не для того, чтобы его любить, а как игрушка, как обязательный атрибут состоявшейся семьи.

И если бы внутренний регламент позволял, то Вероника Юрьевна сразу же отказала бы Ирине Михайловне, не задумываясь. Ну или как минимум не показала бы и половины карточек воспитанников. Но как честный человек так поступить Вера не имела права, поэтому просто выключила радушие и действовала по инструкции.

– Это он! – почти вскрикнула Ирина Михайловна, увидев фотографию Серёжки.

– Кто он? – сохраняя спокойствие, уточнила Вера.

– Он! Вот этот ребёнок должен жить с нами, он очень похож на моего мужа.

– Ирина Михайловна, вы должны понимать, что при усыновлении десятилетнего ребёнка его внешнее сходство с вами или вашим супругом практически не имеет значения. Ребёнок хорошо помнит своих настоящих родителей, и потом, вряд ли вам удастся в глазах общества стать настоящими родителями для взрослого мальчика. Я бы, возможно, наоборот, рекомендовала выбрать совершенно другого по типу ребёнка, чтобы подчеркнуть свою важную и нелёгкую социальную роль усыновителей.

– Не надо мне никакой социальной роли. Не говорите ерунды! Мальчик здоров? Диагнозы есть? Ещё что-то?

– В карточке всё указано. Диагнозов никаких нет, и отклонений в развитии тоже. С его психикой всё в порядке, как и с физическим здоровьем в целом. Он умен и достаточно проныцателен для своего возраста. С ним, возможно, будет труднее, чем со многими другими детьми, – постаралась хоть как-то переключить внимание с Серёжкиной фотографии Вероника Юрьевна, чтобы всеобщий любимец не уехал к этой «мегере».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.